

УДК: 316.6

Оригинальная статья

Социальная изоляция и одиночество

Ж. К. Урманбетова

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Бишкек, Кыргызстан

e-mail: urmanbetova.j@gmail.com

Аннотация. В статье дается характеристика современного глобального мира через призму глобализации и постглобализации, обуславливающую рассмотрение одиночества в контексте социальной изоляции. При этом дается философская интерпретация феномена одиночества. Дается интерпретация одиночества как изоляции в мире бесконечных социальных трансформаций. В качестве методологии используется герменевтический подход в анализе глобального мира – понимание трансформаций мира в контексте доминирования рациональности как способа мышления и существования в этом мире (классический этап – через призму Э. Гуссерля, Ф. В. Гегеля, постклассический – в контексте Н. Бердяева, О. Шпенглера), особый акцент ставится на понимании «я» в контексте современного мира, где существование человека сопровождается понятиями множественной идентичности и кризиса идентичности (в понимании Ф. Фукуямы идентичность рассматривается в контексте личности, у С. Хантингтона на первый план выходит понятие коллективной идентичности). В понимании человека и одиночества акцент ставится на субъектности «я» в противопоставлении другому миру (в интерпретации Н. Бердяева, К. Ясперса). Философский аспект одиночества в перспективе рождает новое понимание социальной изоляции, тем самым современный экзистенциальный кризис понимается как кризис доминирующего способа мышления и отношения к миру реальности.

Ключевые слова: глобализация, постглобализация, рациональность, одиночество, социальная изоляция, экзистенциальный кризис

Для цитирования: Урманбетова Ж. К. Социальная изоляция и одиночество // *Профессиональное образование в современном мире*. 2021. Т. 11, № 1. С. 247–253. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-24>

Original paper

Social isolation and loneliness

Zh. K. Urmanbetova

“Manas” Kyrgyz-Turkish University

Bishkek, Kyrgyzstan

e-mail: urmanbetova.j@gmail.com

Annotation. The article provides a characteristic of the modern global world through the prism of globalization and post-globalization, which determines the loneliness consideration in the context of social isolation. It gives a philosophical interpretation of the phenomenon of loneliness, the loneliness exegetics as isolation in the world of endless social transformations. The research methodology is a hermeneutic approach used for the global world analysis, understanding the world transformations in the context of the rationality dominance as a way to think and exist in this world (the classical stage - through the prism by E. Husserl, F.V. Hegel, post-classical one - in the context by N. Berdyaev, O. Spengler). A special emphasis is placed on understanding "I" in the context of the modern world, where human existence is accompanied by the concepts of multiple identity and identity crisis (F. Fukuyama considers the identity in the context of personality, S. Huntington's – the concept of collective identity). To understand a person and loneliness, the emphasis is placed on the subjectivity of "I" in opposition to another world (in the interpretation by N. Berdyaev, K. Jaspers). The philosophical aspect of loneliness in a perspective gives rise to a

new understanding of social isolation, thus the modern existential crisis is understood as a crisis of the dominant way of thinking and attitude to the reality world.

Keywords: globalization, post-globalization, rationality, loneliness, social isolation, existential crisis

Citation: Urmanbetova Zh. K. [Social isolation and loneliness]. *Professional education in the modern world. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 247–253.* <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-24>

Введение. Пандемия, наряду с социально-экономическими, политическими и культурными, обнажила проблему психологического состояния личности. Издревле существующий вопрос о соотношении человека и бытия говорит о том, что позиция человека в этом мире проецирует состояние определенного периода развития истории человечества. Именно поэтому контекст развития бытия очень важен в определении существа человека. Пандемия с новой силой поставила вопрос об одиночестве в преломлении к искусственно возникшей социальной изоляции. В этой связи проблема одиночества в период пандемии представляет собой комплекс взаимосвязанных вопросов.

Постановка задачи. В данной статье рассматриваются следующие аспекты обозначенной проблемы:

- описание современного мира, который выступает основанием современного развития человека;
- обозначение одиночества как изоляции в мире бесконечных социальных трансформаций;
- обращение к философским интерпретациям, акцент на экзистенциальном ракурсе, понятии метафизического одиночества.

Методика и методология исследования. Характеристика глобального мира. В какое время мы живем? Это очень важный вопрос. Характеризуя современный мир, имеет смысл в качестве основных тенденций развития бытия выделить технологический характер прогресса и актуализацию процессов идентификации человека. Именно эти направления развития являются основными в оценке существующей картины мира. Каким образом данные тенденции отражаются на существе человека и как с ними взаимосвязан феномен пандемии? Вместе с этим на повестку дня выходит проблема глобального кризиса, одним из проявлений которого выступает пандемия.

Глобальный современный мир – это мир высоких технологий, высокого темпа развития, как и высокого темпа времени. Что выходит на первый план как основной контекст существования? Универсальные ценности, универсальные нормы мышления и универсальные стандарты существования. Основным контекстом нашего мира – это высокие технологии как следствие абсолютизации рационального способа мышления и существования. При этом необходимо отметить, что рациональный

способ ориентирован на покорение природы, подчинение ее своим прагматическим целям и интересам. Это и есть отражение антропоцентричной позиции человека в этом мире. Именно поэтому технологии определяют основной контекст нашей жизни, нашего существования. В некотором отношении смысл жизни сводится к технологическому покорению этого мира, созданию новых условий комфорта. В действительности каждое усложнение прогресса с неизбежностью рождает насильственное проникновение в тайны природы. Это и есть проявление диалектичности бытия: если прогресс определяет одну сторону существования, то он с необходимостью приводит к определенным последствиям.

Неслучайно многие философы неоднократно поднимали проблему прогресса в контексте покорения человеком мира природы. О. Шпенглер, задавшись целью определить душу техники, пришел к выводу о том, что «творческий человек выходит из союза с природой и с каждым своим творением он уходит от нее все дальше. Такова его «всемирная история», история неудержимого, рокового раскола между человеческим миром и Вселенной» [1, с. 466]. Этот «роковой раскол» по мере продвижения в истории превращается в трагедию человеческой жизни. Совершив переворот в собственном бытии, человек начинает осознавать себя властелином мира, и чем дальше продвигается в глубь познания природы, тем больше охватывает человека мания величия. В итоге человек забывает о своей зависимости от природы: изначальный факт «выхода» человека из природы символизирует собой главенство природы, ее силу и власть над человеческой душой. «Трагедия человека начинается потому, что природа сильнее. Она все охватывает, в том числе и его, свое творение. Все великие культуры являются поэтому столь же великими поражениями» [1, с. 469].

Идеи взаимосвязи человека с природой в таком ракурсе интерпретируются и Н. Бердяевым, который в истории человечества выделяет просветительский период: «эпоха «Просвещения» есть такая эпоха, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли» [2, с. 7]. Именно

в этот период человеческой истории происходит, по мнению Н. Бердяева, трагичный по своему существу переворот в сознании человека, своего рода пресыщение разумом, когда он начинает мыслить себя властелином бытия. Такое видение ассоциируется со взглядом О. Шпенглера. Это момент провозглашения законодательствующей силы человеческого разума, когда разрыв познающего субъекта с внутренней жизнью истории приводит к превращению истории в обыденный объект познания и отрицанию существования священного предания в истории, предания культуры, тем самым нарушаются глубокие внутренние традиции.

Основанием антропоцентричного подхода к бытию выступает парадигма мышления человека, поскольку все деяния первоначально рождаются в сознании. Это означает, что именно образ мышления формирует все виды деятельности.

Результаты. Покоряя мир природы, человек одновременно формировал государственные устройства и общественные институты через призму «жажды своего признания». Именно поэтому Ф. В. Гегель констатировал, что общественное движение и есть борьба за признание [3, с. 241–242]. Основой этой борьбы был все тот же прогресс, ориентированный на покорение. И вот уже покорение стало не просто принципом существования человека в природе, но и принципом межгосударственного развития. Именно эта жажда признания мотивировала на использование силы как действенного оружия в межличностных, межкультурных, международных, межгосударственных контактах и отношениях. Это означало, что антропоцентричная позиция человека в мире сопровождалась ужесточением возможности и необходимости признания себя наравне с другими – государства боролись за нахождение своей ниши в мировом пространстве. В некоторых случаях это сопровождалось жаждой признания своей исключительности в виде борьбы за пальму первенства в мировой политике, что привело к созданию империй.

Интерпретированная таким образом рациональность время от времени претерпевала кризис. Неслучайно, говоря о кризисе конца XIX в., Э. Гуссерль усматривал его корни в сбившемся с пути рационализме, когда духовность как его наполнение отошла на задний план. «Тип духовной структуры, быстро развивающейся в системно замкнутую культурную форму – философию. Наряду с этим возникает – сначала внутри этого народа – дух универсальной культуры, вовлекающий в свою сферу все человечество, и начинается непрерывное развитие в форме новой историчности» [4, с. 302].

Однако XX в. усилил темпы покорения как реализацию иной рациональности, технологический прогресс достиг цифровой стадии. И все та же

борьба за признание, а в некоторых случаях и предпочтения как проявления имперской позиции определенных государств, основывала бытие мирового сообщества. В настоящее время кризис рационализма стал не просто более серьезен, он достиг своего высшего пика. Поэтому не решаемый на протяжении последних двух столетий кризис привел к естественному следствию. С этой точки зрения пандемия – это логичное следствие действия высоких технологий. Повышая уровень технологического покорения мира, мы тем самым подводим себя ко все более глубоким противоречиям – возникают новые вирусы, новые болезни, новые катастрофы.

Это означает, что рациональный способ существования завел человека в тупик. Кризис рационализма проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека. Тем самым имеет смысл сместить акценты в образе мышления, что приведет к необходимости изменения способа существования.

Второй сущностной тенденцией развития бытия выступает собственно глобализация. XX в. был ознаменован многочисленными катаклизмами, войнами и разрушениями. Вместе с этим именно в XX в. появилось громкое заявление о вступлении человечества в новую фазу исторического развития, именуемую глобализацией. Тем самым по-новому встал вопрос о глобальном единстве мира, начиная от приоритета рыночной системы хозяйства, победного шествия либеральной демократии и до универсальных ценностей, детерминирующих формирование глобальной культуры, а значит единых стандартов мышления и норм бытия. Однако основой представления глобализации, объективной тенденцией развития бытия стала идеологическая раскрутка философии космополитизма. Однако по истечении не более чем тридцати лет глобализация перешла в новую фазу своего развития, именуемую постглобализацией.

Основным контекстом постглобализации выступили процессы идентификации, в определенной степени реализующиеся в национальных государствах. В методологическом отношении возникло разнотечение трактовок идентичности в преломлении к индивидуальному «я» человека и коллективному «мы» в контексте нации и государства. Такое разнотечение проявило себя и в рамках радетелей глобализации – Соединенных Штатов. Ф. Фукуяма в своей «Идентичности» настаивает на том, что «идентичность вырастает из различия между истинным внутренним "я" и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего "я"» [5, с. 6]. При этом он утверждает, что «люди – существа, сознательно стремящиеся к максимальной выгоде, основанной на индивидуальных предпочтениях» [5, с. 7]. Тем самым

Фукуяма придерживается классического определения идентичности как атрибута личности. Вместе с тем, по его мнению, чувство идентичности перекло в политику идентичности, когда «национальная идентичность имеет большее значение для качества управления» [5, с. 35].

С. Хантингтон же в своей работе «Кто мы?» делает ставку на проявление коллективной идентичности, именно поэтому вопрос «кто мы?» ставится в отношении самого государства. При этом акцент ставится на гражданство, поскольку «гражданство связывает идентичность конкретного человека с идентичностью нации» [6, с. 338]. В этом отношении книга Хантингтона стратегична в хорошем смысле этого слова, верно определяя вызовы, риски и угрозы для американской идентичности. Сама постановка вопроса направлена на вопрошание сути национального государства. Это означает, что мыслитель признает, что историческое время национального государства не исчерпано, напротив, оно претерпевает момент исключительной востребованности.

Тем самым, с одной стороны, высокие темпы технологического прогресса в качестве одного из следствий привели к пандемии; с другой стороны, усиление процессов идентификации привело к усложнению индивидуальной идентичности, ее углублению и кризису. В этой связи одиночество как путь социальной изоляции во время пандемии связано с самоидентификацией личности.

Одиночество как изоляция в мире бесконечных социальных трансформаций. Человек – существо социальное, тем самым для своей самореализации он нуждается в себе подобных. Социальный характер жизни человека проявляется в разных ракурсах: профессиональном, экономическом, общественном, политическом, культурном. Соответственно, человек в одном лице есть и специалист, и собственник, и гражданин, и член политической организации, и представитель этнической культуры. В этом отношении социальные связи проецируют уровень вовлеченности человека в жизнь общества и государства. Неслучайно длительное существование человека вне социума приводит к различного рода диссонансам в восприятии мира и нахождении своего места в нем. Именно поэтому изоляция человека несет с собой определенные последствия изменения сущности. В этой связи одиночество как способ существования сопряжено с двумя смысловыми интерпретациями. Один из них – это добровольное одиночество как отчуждение от того общества, которое тяготит человека. Другой – это вынужденная изоляция как следствие социальных катаклизмов.

В настоящем пандемия выполняет роль социального катаклизма, выступая причиной вынужденного одиночества человека. Это означает, что социальная

изоляция в настоящем – это некий камертон человеческого существования. Социальная сущность человека приходит в противоречие со способом существования. Изоляция способна повлиять не только на внешнее проявление человека, но и на его внутренний мир, тем самым затрагивается сущностная составляющая человеческой личности. Если социальные отношения выступают регулятором внешнего проявления человеческой сути в смысле интериоризации его сознания вовне, то духовная сторона внутреннего «я» проецирует самоосознание человеком самого себя. Способность человека к рефлексии позволяет, говоря словами Р. Кронера, в процессе самоосмысления доходить до понимания собственной сути, когда «посредством развивающейся рефлексии сознание приходит к своему осознанию» [7, с. 261].

Вместе с тем социальная сущность человека диктует естественный для него способ существования: органика бытия человека заключается в выстраивании им различных дискурсов социализации в процессе нахождения своего места в этой жизни. Этот процесс сопровождается множеством возможных противоречий, которые, однако, лишь в исключительных случаях приводят к добровольному выбору одиночества, или отчуждения как способа существования. При этом вынужденное одиночество чаще всего расценивается как уход от активного бытия в этом мире. Именно поэтому изоляция как форма вынужденного одиночества нередко приводит к кризису самоосуществления и самореализации человеком себя. Естественно, что в таких случаях изоляция тяготит, порой превращаясь в вынужденное отчуждение или способствуя кризису внутреннего мира, а как следствие, и переоценке своего места в этом мире.

Что же в таком случае представляет собой одиночество – благо или страдание? Каким образом возможно трансформировать одиночество как проекцию изоляции в одиночество как мотивацию к со-изменению себя и мира? Все это приводит к необходимости философского рассмотрения проблемы одиночества.

Философские интерпретации одиночества. Проблема одиночества в большей степени связана с социальными и психологическими аспектами человеческой сущности. Вместе с тем философский ракурс рассмотрения одиночества позволяет прикоснуться к данному феномену через призму сущности и существования человека. В философии существует понятие метафизического одиночества. В этом случае «я» есть проявление субъектности, противостоящей миру и другому. Человек приходит в этот мир и уходит из него один. Это означает, что одиночество – это онтологическая данность в проявлении человеческой сущности. Неслучайно в древности возник вопрос

о том, что есть мир и кто есть я, в качестве важного вопроса, преследующего человека на протяжении всей жизни. Период человеческого существования между рождением и смертью заполнен множеством социальных связей, но самые главные точки соприкосновения с миром человек претерпевает один. Человек обретает себя в одиночку, точно так же, как и теряет связь с бытием тоже в одиночку. В этом смысле одиночество – это возможность самоосознания себя как некой определенности, это проекция сущностного значения человека. Вместе с тем проявление себя уже соприкасается с восприятием другого и самого мира. Тем самым сущностное одиночество переходит в социальный тип существования.

Интересен подход Н. Бердяева к пониманию одиночества: «я» означает существующий в его интерпретации, при этом «я» не принадлежит объективированному миру, оно первично. Одновременно с этим «выброшенность "я" в социальную обыденность есть его падшесть. "Я", отпавшее от глубины своего существования в объективированное общество, должно защищаться от общества, как от врага. Человек защищает свое "я" в обществе, играя ту или иную роль, в которой он не таков, каков он в себе» [8]. Сознание социализировано, однако, по мнению Бердяева, «я» раскрывается не в рациональной, а эмоциональной жизни. Тем самым изоляция в понимании философа в большей степени способствует его самораскрытию как реализации творческих способностей, поскольку общественное часто затемняет внутреннюю свободу личности.

К. Ясперс же раскрывает диалектику одиночества и социальности как способа существования человека. «Я не могу быть самим собой, не вступая в коммуникацию, и не могу вступить в коммуникацию, не будучи одиноким. Во всяком снятии одиночества коммуникацией возникает новое одиночество, которое не может без того, чтобы не исчез я сам как условие коммуникации» [9, с. 291]. Это означает, что человек устанавливает свои отношения с бытием только в одиночку. Каждый человек обретает свое бытие сам, и только потом он вступает в отношения с другим, тем самым бытие индивидуально онтологично. Что касается социальных отношений, то они есть проекция взаимосвязанности субъектов в их наличном бытии в контексте конкретного общества. В этом смысле одиночество можно трактовать как экзистенциальное основание человеческого бытия.

Вместе с тем представленные философские интерпретации одиночества предполагают обращение к «я» человека как некой сущности, некой субъектности. В этом отношении одиночество – органика существования человека вообще. Однако кризис, обусловленный возникновением новой пандемии, которую можно определить как пограничную

ситуацию не только для конкретного человека, но и для человечества вообще, является собой *экзистенциальный кризис*, поскольку он затрагивает смысл существования человека в социальном разрезе.

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, человек завоевывал этот мир, и когда уже подумал, что завоевал, оказалось, что теперь необходимо себя сохранить. С другой стороны, в общественно-политическом разрезе государства развивались, движимые жадой признания, а сейчас наступил момент, когда у каждого должен сработать инстинкт самосохранения – как суметь прожить в гармонии с изменившимся миром. Актуальны и востребованы новые способы и формы бытия, когда победу будут одерживать не только те, кто держит в руках нити технологического прогресса, а в первую очередь те, кто сможет и будет тонко чувствовать все, что происходит с миром, и пытаться не только реагировать, но и ощущать пульс изменений. В этом отношении новыми ноу-хау будут те, которые не только отражают пульс наукоемких технологий, а в первую очередь те, которые поймут ход экзистенциальной необходимости. Это и будет проявлением интуиции в нахождении ответа на вызов времени. Вместе с тем питать иллюзии о том, что человечество, благодаря пандемии, свернет с пути утвержденного как покорение рационализма, практически невозможно. И все же необходимо каким-то образом сбалансировать рациональность и чувствительность, интуитивность. Это и будет ответом на вызов истории. Встряска коллективного человеческого сознания произошла, но в настоящем задача заключается в том, чтобы за подобной встряской последовало изменение существа ценностей. Насколько это возможно в мире технологического детерминизма, сказать сложно, но без этого катаклизмы в более интенсивном темпе будут преследовать человечество.

Таким образом, верховенствующий на протяжении XX столетия абсолют прогресса привел к пресыщению материальным. Это означает, что для продолжения развития человечества имеет смысл идти от противного – предложить ориентир духа, а не материи во благо будущего человеческой цивилизации, во благо изменения хода жизни и истории. Пути выхода должны с неизбежностью предполагать обновленный способ бытия, переоценку ценностей как безусловную необходимость, как ответ на предъявленный человечеству вызов. Говоря словами Ф. Ницше, требуется кардинальная переоценка ценностей, которая должна заключаться, прежде всего, в переоценке самого места ценностей в структуре человеческого существования [10, с. 409]. Время от времени в истории человечества возникает ситуация, когда кризис человеческого

существования с неизбежностью ставит вопрос о духовном как приоритете человеческой сущности и деятельности. В этом отношении гимном звучит мысль Э. Гуссерля о том, что «дух и только дух есть бытие в себе и для себя; только он автономен и доступен истинно рациональному, истинно и принципиально научному изучению в своей автономности, причем только в ней» [5, с. 325].

Вне зависимости от того, понимается ли одиночество в метафизическом ракурсе человеческой сущности или в контексте способа существования, оно сопряжено в своей реализации с творчеством как способом самореализации. При этом творчество есть проявление активности человека, характер его деятельности, креативное поведение, ощущение свободы, возможность и способность получения удовлетворения, преобразование себя и окружающего мира. Тем самым творчество проявляет особую природу человека в этом мире, это качество его сущности и способ его существования в мире и в общении с другим. Творчество – образ жизни, потребность, способ самоосуществления. При этом жизнь человека – саморазвивающийся творческий процесс.

Исследуя творчество в контексте человеческой сущности, необходимо акцентировать внимание на то, что оно связано с проблемой духовного в человеке. Особенность человека и заключается в его наполненности духом, это некая аксиома человеческого бытия. Неслучайно С. Франк утверждает, что «что-то незримое, духовное таится в душе человека» [11, с. 276], соответственно, человек испытывает потребность в выражении этого внутреннего начала, давая толчок творчеству как процессу. При этом одиночество в большинстве случаев – проводник этого процесса, поскольку постижение какой-либо сути и рождение чего-либо предполагает со-бытие самого субъекта и того, что он постигает или рождает. Это отражение метафизики одиночества, как и метафизики творчества, за исключением изначально коллективных деяний.

Творчество – это реализация способностей человека, то есть качество, используемое им в своих целях. Тем самым «сверхчеловеческое творческое начало переливается в человеческое творческое усилие» [11, с. 280]. Вместе с тем творчество «приобретает самостоятельное незаменимое значение и ценность для формирования его человеческого облика и человеческой сущности, выступая мощным, многоликим и незаменимым антропогенным фактором совокупного действия» [12, с. 191]. При этом творчество отражает как процесс отношения человека к миру, так и способ общения человека с человеком, равно как способ самореализации. В этом отношении творчество есть проявление некой духовной свободы, когда человек выступает созидателем, а значит творцом. Именно

это его качество и позволяет перенести одиночество в плоскость реализации сил и возможностей, тем самым в плоскость созидательного труда. Это способствует росту энергетического потенциала, который в свою очередь стимулирует процесс творчества. Тем самым возникает диалектика человека и творчества.

Во время пандемии одиночество стало вынужденной мерой, и способом отвлечения от изоляции для многих стало творчество во всех его вариациях. Творчество в данном случае можно трактовать как способ нейтрализации социальной изоляции, как уход от проблем существования, как реализацию сущности, как обретение нового «я». Во всех этих вариациях творчество позволяет сохранить собственное «я» от безысходности, от тоски по социальным отношениям. Это означает, что творчество стимулирует жизнь человека в позитивном ключе, оно дает шанс постичь что-то новое в контексте не самого благоприятного течения исторического времени.

Выводы. Мир меняется, тем самым знаменитая фраза Гераклита «все течет, все изменяется», высказанная до нашей эры, и сейчас, в век высоких технологий, также проявляет свое действие, и это безусловная истина. Каждая историческая эпоха предъявляет свои вызовы, о чем говорили многие философы, и в частности А. Тойнби, и это тоже объективная истина. Нынешний мир – это мир неоднозначной смены ориентиров, когда сосуществуют глобализация как тенденция развития цифрового бытия с ее нацеленностью на единые нормы и стандарты жизни и постглобализация, или деглобализация, как ориентир на единичные ответы на вызовы времени, проявляющие уровень инстинкта самосохранения.

Волна пандемии с необходимостью усилила интерес к обозначению последующих тенденций развития мирового сообщества. Пандемия не просто обнажила противоречия эпохи, она подняла проблему одиночества в контексте социальной изоляции на новый уровень. В связи с этим рождаются новые интерпретации одиночества как способа существования, одновременно с этим возникают новые формы творчества в проекции самореализации человека и обретения нового «я».

Понимание одиночества в контексте социальной изоляции с необходимостью актуализирует философские интерпретации. В этой связи кризис рациональности как способа мышления и понимания мира с необходимостью провоцирует интерес к интуитивности в определении дальнейшего развития человека и человечества. Современный экзистенциальный кризис явился определенным вызовом, ответы на который должны быть даны в контексте обновленного понимания сущности и существования человека в технологически ориентированном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век : антология. Москва, 1995. С. 454–494.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. Москва, 1990. 176 с.
3. Гегель Г. В. Феноменология духа. Санкт-Петербург, 1992. 704 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антология. Москва, 1995. С. 297–330.
5. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Москва, 2019. 256 с.
6. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности. Москва : Транзиткнига, 2004. 635 с.
7. Кронер Р. Самоосуществление духа // Культурология. XX век : антология. Москва, 1995. С. 256–280.
8. Бердяев Н. Я. Одиночество и общество // Бердяев Н. Дух и реальность. URL: <https://www.litres.ru/nikolay-berdyayev/ya-i-mir-obektov/> (дата обращения: 27.11.2020).
9. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. Москва, 1991. С. 288–418.
10. Ницше Ф. Избранные произведения. Кн. 2. Москва, 1990. 464 с.
11. Франк С. Л. Реальность и человек. Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1997. 480 с.
12. Самохвалова В. И. Человек: творческий и творящий // Вестник культурологии. 2017. № 1. С. 183–207.

REFERENCES

1. Spengler O. Human and technics. *Culturology. XX century: anthology*. Moscow, 1995, pp. 454–494. (In Russ.).
2. Berdyayev N. A. *Meaning of the history*. Moscow, 1990, 176 p. (In Russ.).
3. Hegel G. W. F. *Phenomenology of spirit*. Saint Petersburg, 1992, 704 p. (In Russ.).
4. Husserl E. Crisis of European human and philosophy. *Culturology. XX century: anthology*. Moscow, 1995, pp. 297–330. (In Russ.).
5. Fukuyama F. *Identity, the demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow, 2019, 256 p. (In Russ.).
6. Huntington S. *Who are we? The challenges to America's national identity*. Moscow, Tranzitkniga, 2004, 635 p. (In Russ.).
7. Kroner R. Die Self-realization of the spirit. *Culturology. XX century: anthology*. Moscow, 1995, pp. 256–280. (In Russ.).
8. Berdyayev N. A. I, loneliness and society. *Berdyayev N. Spirit and reality*. URL: <https://www.litres.ru/nikolay-berdyayev/ya-i-mir-obektov/> (accessed 27.11.2020). (In Russ.).
9. Yaspers K. Spiritual situation of time. *The origin and goal of history*. Moscow, 1991, pp. 288–418. (In Russ.).
10. Nietzsche F. *Selected works*. Bk. 2. Moscow, 1990, 464 p. (In Russ.).
11. Frank S. *Reality and human*. Saint Petersburg, 1997, 480 p. (In Russ.).
12. Samohvalova V. I. Man: creative and creating. *Bulletin of Culturology*, 2017, no. 1, pp. 183–207. (In Russ.).

Информация об авторе

Урманбетова Жылдыз Карыбаевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения философии, гуманитарный факультет, КТУ «Манас» (Кыргызстан, 720044, Бишкек, пр-т Ч. Айтматова, 56, e-mail: urmanbetova.j@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 21.01.21

После доработки 08.02.21

Принята к публикации 10.02.21

Information about the author

Zhyldyz K. Urmanbetova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Humanitarian Faculty, Kyrgyz-Turkish University “Manas” (56, Ch. Aitmatov Av., Bishkek, 720044, Kyrgyzstan, e-mail: urmanbetova.j@gmail.com).

The paper was submitted 21.01.21

Received after reworking 08.02.21

Accepted for publication 10.02.21